

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЁМА В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

Е. Н. Юркевич

Герменевтическая логика – логика понимания и интерпретации, которая была вычленена как самостоятельная дисциплина в немецкой философии I-й половины XX столетия. Теоретические предпосылки герменевтической логики можно обнаружить у Аристотеля, который исследовал аналитические процедуры мышления с учётом онтологического содержания.

Дисциплинарное оформление герменевтической логики началось в 20–30-е годы XX столетия, когда Георг Миш и Ганс Липпс объявили о начале чтения курса лекций по проблемам логики и теории науки в Гёттингене. Эти курсы посещал и О. Ф. Больнов, который затем долгое время посвятил занятиям по герменевтике [11]. Параллельно этими же проблемами занимались Ф. Роди, Г. Ноль, Дж. Кёниг и другие. В русской философии герменевтическая логика нашла своё продолжение в исследованиях Густава Шпета, где история герменевтики была описана как история герменевтической логики и теории знаков [8, 9, 10]. По мнению Шпета, создание особой герменевтической логики должно было решить проблему выражения и значения и стать особой логикой гуманитарных наук.

Особенностью западноевропейских курсов было то, что предмет логики переосмысливался с точки зрения философии жизни. Г. Миш считал, что «путь к логике соответствует интенции философии жизни». Этим тезисом Миш указал на отчуждение, которое к тому времени сложилось между логикой и философией в целом особенно после появления классической логики. Исторически сложилось так, что логика всегда находилась в особом положении: она была «последним аргументом» в общепhilosophических дискуссиях (ссылки на логический анализ понятий, суждений, умозаключений, на правила доказательства и опровержения часто «ставили точку» в прениях); знаменитое выражение «сущность вещи есть логика вещи» было выражением логического приоритета в философском анализе. Из пропедевтики она превратилась в

метафилософскую науку. Однако утрата онтологических связей в логических теориях отдаляли для гуманитарного познания возможность обретения собственной логики.

С другой стороны, в стремлении преодолеть данное отчуждение, учитывая развитие философского знания об иррациональном, критики порой доходили до негации логики как науки. Классический логический анализ казался непригодным для исследования иррациональных состояний человеческой психики. Со стороны самих философов почти не осталось веры в то, что существенные философские вопросы могут быть связаны с логикой. Логика пренебрежительно называлась «логикой следования» (такие наименования можно было встретить даже у Э. Гуссерля и М. Хайдеггера). Герменевтическая логика в этом плане оказалась способной восстановить утраченные позиции и вернуть логике существенную часть её философского содержания. Одновременно она принимает на себя функции логики гуманитарного познания, способствуя формированию аналитической специфики истории и психологии и утверждению этих областей знания как самостоятельных наук.

Основные *логические формы* (понятие, суждение и умозаключение) в их чистом виде Миш рассматривал в качестве «инвентаря понимания». Он использует их в герменевтике для описания «морфологии логических форм», т.е. в процессе понимания при диалектическом движении по герменевтическому кругу исходные («инвентарные») логические формы преобразуются в осмысленные.

Как для традиционной и классической, для герменевтической логики при описании логических форм центральной категорией является понятие *объёма*. Исследование характеристик объёма, на наш взгляд, способствует определению отличий герменевтической логики как особого ответвления логической науки, имеющего свой предмет и критерии анализа.

Условия определения объёмов, которые впоследствии приняла герменевтическая логика XX ст., были описаны Аристотелем в работе «Об

истолковании» (или «Герменевтика») [1]. Прежде всего, языковое выражение должно быть *высказыванием*, а не просто сказыванием. Высказывание не только правильно грамматически оформлено, но и экзистенциально определено, т. е. устанавливает существование (либо несуществование) предмета. От этого зависит наличие смысла, поскольку экзистенциально неопределённые выражения бессмысленны. Таким образом, понятийный объём зависит от *формальных контекстов* (суждения), а они, в свою очередь, должны соответствовать онтологическим контекстам (действительности). Объём бессмысленных выражений (сказываний) не определяется.

С точки зрения герменевтической логики нет смысла производить логический анализ не только неизвестных терминов (типа «козлоолень»), но и известных (типа «яблоко»), если не установлен этот предмет как фактически существующий, тогда как в школьном варианте логики анализируются внеконтекстные термины и с уверенностью за ними закрепляются определённые понятийные объёмы. Путём введения *принципа контекстуальной определённости* герменевтическая логика не только позволяет конкретизировать понятие, но и косвенно задаёт переоценку подхода к определению объёмов в традиционной и классической логиках. Если объёмы определяются через контекст, то внеконтекстные понятия нужно считать экстенционально неопределёнными.

Неопределённость объёмов, в свою очередь, блокирует саму возможность установления *логического значения* (истинности либо ложности). Таким образом, логическая истинность сохраняет необходимость соответствия онтологической данности. Аналитическая способность к установлению объёмов понятий становится важнейшей функцией осуществления истинности.

В истории герменевтики особенно влиятельными оказались два учения о логике исторического познания: историческая индукция Хладениуса (логика объективной истории) и психологическая интерпретация В. Дильтея (логика индивидуальной истории жизни). В обеих теориях развитие логики

обуславливалось успешностью философского обоснования онтологических предпосылок мышления.

Особенность исторической индукции И. Хладениуса в том, что изначально задаётся не родо-видовая модель, которая бы свела исторический объект к математическому множеству, а модель с *мериологическим делением - делением целого на части*. Исторический объект сохраняет признаки эмпирического множества, которое, в отличие от математического, не элиминирует индивидов тотально. Однако переход от части к целому происходит путём выделения чрезвычайных (исторически значимых) поступков с одновременным игнорированием множества индивидуальных обстоятельств. Таким образом, мышление *преобразует контексты*, в которых объект приобретает своё историческое значение. В определённом смысле, герменевтическая логика имеет иную в сравнении с классической логикой стратегию – сохраняя и акцентируя характерность индивида, освобождается от случайных нехарактерных для индивида свойств контекстов.

Образование эмпирических множеств, в отличие от математических, происходит с помощью установления воображаемых связей между отдельными индивидами, которые выстраивают элементы эмпирического множества в определённой зависимости друг от друга, формируя особое «пространство исторического текста» как воображаемый цельный объём.

Неоднородность эмпирического множества заключается также в том, что одни элементы («образцы») представлены именами собственными (Наполеон или Сталин), а другие представляют неопределённое множество, обозначенное несобственными именами (народ, люди). В логике исторического познания «образцы» являются представителями неопределённого множества, но одновременно они не включаются в него на общих основаниях. Таким образом, если в традиционной логике имена собственные обозначают индивидов при подчинении их классу по общим признакам, то в герменевтической логике содержание единичного (собственного) именного значения может стать определяющим для множества (напомним о тематике роли личности в

истории). Видимо, эта особенность логики исторического познания позволила утвердиться критическим высказываниям о субъективности исторической интерпретации.

В истории герменевтики проблема *единичного* никогда не решалась и не могла быть решена подобно тому, как она решалась в естественных науках. Ни у Аристотеля, ни в семиотической теории Бл. Августина, подчинённой проблеме толкования Библии, ни у Хладениуса, Флациуса, Шлейермахера, того же Дильтея и др. единичное не могло быть освобождено от онтологических характеристик.

Исходя из этого, у Хладениуса выделяются *три типа терминов* (единичные, общие и неопределённые термины), среди которых соответствующим объекту исторического познания и определяющим при формировании содержания мыслимого целого оказываются единичные.

«Место логического» в жизни представляет высказанное *суждение*. Однако не всякая человеческая речь представлена суждениями. Философия жизни противится тому, чтобы *любое* говорение с использованием подходящих слов (например, «это есть дерево») считалось суждением. Это лишь искусственно облачается в суждение с использованием элементарных форм и правил формальной логики.

В соответствии с новой типологией терминов Хладениус выделяет *три типа суждений* (единичные, общие и суждения с неопределённым субъектом). Эмпирические суждения, как результат эмпирического опыта, являются единичными и основаны на восприятии отдельных случаев. Однако им присваивается «общеисторическое значение». Исходя из приписываемой им *ценности* они становятся «образцами», представляющими символизированный эмпирический объект и поэтому данные эмпирические суждения представляют собой разновидность общих суждений (*loci communes*), которая не учитывается в классической логике.

Изменяется и характер *индуктивного вывода*, в котором заключение делается на основании отождествления признаков «образца» с признаками

неопределённого множества. Воображаемый характер связи между отдельными элементами неопределённого множества, а также между признаками «образца» и признаками неопределённого множества, обуславливают вероятностный характер вывода, предполагающий наличие исключений (допускает противоречия).

Субъективные переживания некорректно оценивать посредством формально-логических значений истинности и ложности, но они имеют значения правды и неправды. Логика понимания индивидуальной жизни представляет собой особого рода индукцию, основанную на истолковании отдельных переживаний как фактов субъективного опыта, которые соотносятся по аналогии и являются основанием для перехода к целостному пониманию внутреннего мира человека. Так же, как и у Хладениуса, дильтеевская индукция основана на соотношении части и целого, а не рода и вида. При переходе от части к целому происходит так называемый *«мереологический скачок»*, описанный в современной неклассической логике. Этот *«мереологический скачок»* представляет собой нелинейный переход от посылок к заключению, обусловленный неучтённым иррациональным характером бессознательного, который был определён Дильтеем как *«человеческий остаток»*, влияющий на весь ход истории духа. Вероятностный характер вывода обусловлен субъективной достоверностью индивидуального опыта.

Общим началом в генезисе наук о природе и наук о духе является донаучное знание, которое мы можем обнаружить в простых высказываниях повседневного языка. Из этого обыденного языка и следует извлекать жизненные основания и при этом необходимо учитывать, что это ни в коем случае нельзя рассматривать как нечто неорганизованное и хаотичное. Напротив, необходимо исходить из того, что это уже дано в определённых логических формах дискурсивного мышления. Это донаучное предтеоретическое знание является непосредственным, нерелексивно осознанным переживанием, которое объективируется благодаря силе выражения. Продуктивность объективации заключается в порождении

определённого значения пережитого. Следовательно, выражение есть объективация жизни. С результатом выражения непосредственно объединяется и понимание.

Понимание есть способ, которым нечто становится нам доступным в выражении данности. Таким образом, понимание и выражение рассматриваются как коррелирующие друг друга, а учение о выражении есть выход от философии жизни к логике.

Миш берёт выражение объективно как высказывание о вещи либо процессе (как нечто выраженное) и субъективно (я выражаю себя так или этак относительно чего-либо). Но он использует также и третье значение, которое объединяет два предыдущих в значении «выражения переживания» и понимает это в масштабных жизненных связях. Таким универсальным выражением, которое имеет логическое измерение, является языковое выражение в речи.

Современная логика разрабатывает логику понимания в аспекте модальности *оценки*. Понимание рассматривается как оценочная деятельность. Так, Ивин А. А. процедуру понимания раскрывает на базе *рационального* понимания, представленного *практическими* суждениями. Другие типы понимания, такие как интуитивное схватывание либо симпатическое (чувственное) понимание, не подлежат логическому анализу в силу своей «непрозрачности» либо расцениваются как подвергаемые формализации только частично. Таким образом, так называемая «логика понимания» не совпадает со всем объёмом «герменевтической логики», а рассматривает только такой результат понимания, который уже получил форму выражения и который имеет рациональное измерение (рациональное понимание).

Отличие понимания в естественнонаучной и гуманитарной областях знания основано также на содержании предпосылочного знания: либо это знание содержит критерий истинности, либо критерий ценности.

В практических суждениях «предпосылкой понимания внутренней жизни индивида является не только существование *образцов* для её оценки, но и

наличие *определённых стандартов проявления этой жизни вовне*, в физическом, доступном восприятию действию.

Со времён Л. Витгенштейна процесс понимания обозначается как *оправдание*, которое, в отличие от объяснения, представляет собой не соответствие истине, а подведение конкретных условий под *ценность*. А. А. Ивин определяет понимание как *оценку на основе некоторого образца, стандарта или правила* [3, с. 247]. Понимание в сфере практических суждений он рассматривает на базе *понимания поведения*. Понимание поведения основано на воссоздании связи между мотивом и поступком. Установление такого рода связи позволит поместить мотивацию и поступок в единую ценностную среду и таким образом осознать смысл человеческого поведения в конкретной ситуации (целевое понимание).

В целом, анализируя состояние исследований в области логики практических суждений, А. А. Ивин указывает на то, что на сегодняшний день отсутствует теория практических выводов. Предлагая одну из стандартных форм практического вывода, Ивин указывает на необходимость создания комбинированной теоретической модели логики практического вывода, которая объединяла бы логику абсолютных оценок и логику причинности.

В герменевтической логике диалектика части и целого, служащая теоретическим основанием для понятия *герменевтического круга*, основывается на фундаментальной гипотезе целого, которая проецируется на отдельные объекты (как правило, тексты). Возможность такого проецирования опирается на метафизическую гипотезу об универсальной целостности мира, которая, в свою очередь, соотносима с принципиальной структурируемостью мира и смысла. Вопрос о бесконечности перспективы мира и смысла здесь представляется лишь с первого взгляда парадоксальным в контексте идеи целостности. С герменевтической точки зрения необходимо разграничивать так называемую линейную (горизонтальную, математическую) бесконечность, которая в смысловом отношении открывает «дурную» перспективу («дурную бесконечность» по Гегелю) и такую бесконечность, которая ассоциируется с

движением по кругу. Круг – совершенная геометрическая фигура, ассоциированная целостности, и в герменевтико-философском аспекте она приобретает черты абстрактно-символического предмета, который имеет в герменевтике различные теоретические функции.

В предельной объёмной характеристике диалектика части и целого выглядит как нелинейное движение от единичного к общему с перспективой движения к универсальному, от фрагмента к целому, в котором формирующийся герменевтический предмет получает в определённые моменты диалектического движения различные экстенциональные и интенциональные характеристики. Сменяющие друг друга гипотезы целого в своём соотношении образуют сложную символическую структуру, обозначенную именем (текста, предмета, относительно которого формируется понимание). Обоснование особенностей герменевтического предмета и герменевтического отношения к нему во многом зависит от трактовки *единичного* как элементарного компонента гипотетико-герменевтической предметной формы, имеющей (или получающей) смысл.

В «логике жизни» В. Дильтея значения правды и неправды устанавливаются по отношению к единичным фактам субъективного опыта, которые имеют характер цельного события и связываются также посредством воображения по аналогии. Смысловая перспектива внутренней жизни человека тяготеет к целостному пониманию внутреннего мира и также задаётся универсальной гипотезой целого. Вероятностный характер индуктивного вывода опосредован иррациональными элементами и субъективной достоверностью жизненного опыта.

В истории русской герменевтики единичное представлено символическим понятием «сердца», которое представлено в качестве понимающего центра, который обуславливает построение нравственной истории личности. Понятие «сердце» соотносимо с платоновским Солнцем.

В «Феноменологии духа» Гегеля «сердце» как единичное получает оригинальное обоснование: оно самоосознается как необходимое [2].

Непосредственность такого самоосознания трактуется как *внутренний всеобщий закон*. Гегель обозначил этот закон как *закон сердца*. Таким образом, мы получаем *закон единичного* (невозможный для традиционной и классической логик), представленного как онтологически уникальное и качественно универсальное символическое целое.

Этому сердцу противостоит действительность, т. к. закон сердца (как всеобщее в для-себя-бытии) ещё не претворён в действительность, и поэтому ещё не есть понятие (это *иное* по отношению к понятию). Гегель видит противоречие закона и единичности в том, что закон сердца есть некая действительность, противостоящая тому, что подлежит претворению в действительность. Диалектическая логика Гегеля в этом контексте превращается в «герменевтическую диалектику».

В русской философии «сердце» выполняло префигуративную функцию создания символического духовного центра личности и духовного единения людей (соборность как символическая множественность). Антропоморфная визуализация этой префигурации входила в интерпретативную технику, акцентированную на нравственном поступке. Поступок до момента своей оценки выводился на символический уровень представления мира, где образцом нравственного подвига являлся Иисус Христос. Процесс движения герменевтического круга метафорически передаёт нравственную автобиографию личности, или смену состояний «сердца» в процессе жизни. Единичные поступки, формирующие нравственную автобиографию, представляют особое значение единичного в восточнославянской философской герменевтической традиции. Движение от части к целому обусловлено также действием воображаемых связей между отдельными поступками, которые подводятся оценочным способом под нравственные ценности и формируют человеческую судьбу (целое). У В. Розанова отдельный человек также находится во власти «восходящих кругов», он, так сказать, обречён на понимание даже вопреки своей воле и желаниям.

Таким образом, герменевтическая логика подчинена телеологической идее целого, которая в практических суждениях представляет общезначимые ценностные суждения. В современной теоретической модели логики практического вывода герменевтическая логика находит своё дальнейшее применение, объединяя логику абсолютных оценок и логику причинности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Соч. в 4-х т.: Т.2. – М.: Мысль, 1978. – С.91-116.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. – М.: Наука, 2000. – 495 с. - (Серия «Памятники философской мысли»).
3. Ивин А. А. Основы теории аргументации: Учебник. – М, 1997.
4. Ивин А. А. Ценности и понимание // Вопросы философии. – 1987. - №8.
5. Ивин А. А. Логика и ценности // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. – М., 1988.
6. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.
7. Кузнецов В.Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Густава Густавовича Шпета // Логос. Филос.-литерат. журнал. – М., 1991. – № 2. – С.199-214.
8. Родри Фритьеф. Герменевтическая логика в феноменологической перспективе:...Густав Шпет // Логос. - № 7. – М., 1996.
9. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст-1989. – М.: Наука, 1989. – С. 231-268.
10. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст-90. – М.: Наука, 1990. – С. 219-259.
11. Bollnow O.F. Studien zur Hermeneutik. Band 2: Zur hermeneutischen Logik von Georg Misch und Hans Lipps. – Verlag Karl Alber Freiburg/München, 1983.

АННОТАЦИИ

Е. Н. Юркевич. Характеристики объёма в герменевтической логике. – Особенности герменевтической логики исследуются посредством определения специфики экстенциональных характеристик мыслительных форм. Рассматриваются вопросы типологии логических форм, значения единичного, индуктивный вывод. Анализируется восточнославянская философская традиция логики понимания.

Ключевые слова: герменевтическая логика, эмпирическое множество, мереологическое деление, историческая индукция.

О. М. Юркевич. Характеристики обсягу в герменевтичній логіці. – Особливості герменевтичної логіки досліджуються при визначенні специфіки екстенціональних характеристик мисленнєвих форм. Розглядаються питання типології логічних форм, значення одиничного, індуктивний вивід. Аналізується філософська традиція логіки розуміння.

Ключові слова: герменевтична логіка, емпірична множина, мереологічний поділ, історична індукція.

O. M. Yurkevych. The characteristic of the volume in hermeneutical logic. – Peculiarities of hermeneutical logic are researched by definition of extantional characteristics of mental forms. Questions about typologies of logical forms, unit significance, inductive conclusions are considered. East-Slavonic philosophical tradition of understanding logic are analyzed.

Key words: hermeneutical logic, empirical plural, mereological division, historical induction.